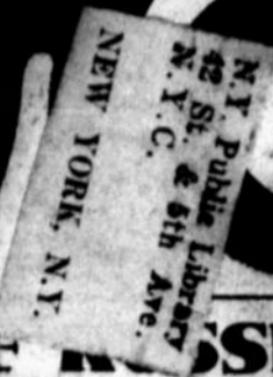

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO,

243 West 56th Street, New York 19, N. Y.

Загадка „Ревизора“

Истинно художественное произведение есть волшебный козодец, из которого каждый черпает тот напиток, который он сам пожелает вкусить. Не даром сведущие люди совету ют перечитывать «Войну и Мир» каждые десять лет: в разные периоды нашей жизни мы по иному подходу к роману и находим в нем ответ, на вопросы, которые нас в данную эпоху волнуют. Ошибочно предполагать, что перлы мировой литературы изучены до конца. Никакие томы исследований не помешают пытливому читателю открыть в любом произведении никому доселе неизвестный уголок, никем не замеченный нюанс. «Открыл» же недавно критик (американец!) в «Скупом Рыцаре» строчку: «И море, где бежали корабли» — яркий мазок, картина в трех словах с необычным глаголом. А ведь все знали этот стих, но, вот, проходили мимо.

«Ревизор» изучен досконально, история его печатного текста, над которым Гоголь работал с 1834 по 1842 год (восемь лет! больше чем Пушкин над «Онегиным»), известна всем книголюбам, но и сейчас, при внимательном чтении, наталкиваешься на новые, еще не разрешенные, вопросы и странные аномалии.

Где происходит действие «Ревизора»? Какой это «скверный город» описал Гоголь? Конечно, многие скажут: это неважно. Сам Гоголь заметил позже (в «Развязке Ревизора»), что «Этакого города нет во всей

России». Ударившись в мистицизм, он пытался (задним числом!) уверить всех и самого себя, что «Ревизор» есть символическое произведение. Хлестаков есть ветренная светская совесть, которую подкупают обитающие в душе нашей страсти, но, вот, является на стоящий ревизор, чтоб обличить наши грехи.

Должны ли мы считать с этим авторским чудачеством? Для нас «Ревизор» — генеральный образец реалистического искусства. Гоголь — поэт «черненьких», творения его — драгоценное звено в цепи, начинающейся Фонвизиним и продолженной Грибоедовым. Что общего у всех участников этой цепи, этих «сатириков»? Все они **не любят своих героев**; у них нет **своих** светлых «идеалов» — ни пушкинской Татьяны, ни толстовской Наташи, ни тургеневских девушек. Оттого то такой контраст между грибоедовской Москвой и Московской «Войны и Мира» (а ведь Хлестова — Афанасиева и тут, и там!). У Толстого — свет и тени, как подобает романисту; Грибоедов клеймит всех, включая Чацкого, не говоря уже о Софье.

Можно бы, в угоду символистам, подойти к «Ревизору» с их точки зрения, можно принять за некий символ и далекий Петербург, — но ведь в «Ревизоре» Гоголь приводит **ряд географических названий**: тут дело дошло до Пензы и Саратова — это обязывает. Читатель — слушатель, имея пред собой «жизненное происшествие», естественно хочет связать все «фактические данные» в одно стройное целое, объединить их здоровой логикой.

Хлестаков едет из Петербурга в Саратовскую губернию, точно в самый Саратов («подо рожная его приписана в Саратов»). По дороге, в Пензе, его «обчистил» пехотный капитан и он сидит в **уездном городе**, без денег. Все это — точный пересказ текста. Маршрут Хлестакова до нельзя ясен: Петербург — Москва — Пенза — Саратов. Это — прямая линия. Пензенская губерния граничит с Саратовской; Хлестаков направляется «в Саратовскую губернию», следовательно он находится еще в **пределах Пензенской губернии**; поэтому описываемый город должен быть одним из **уездных городов Пензенской губернии между Пензой и Саратовской границей**.

Пензенская губерния была переформирована в самом начале 19 века и в гоголевскую эпоху имела такой же вид, как и в наше время. Взглянем на карту. Губернский (и вместе с тем, уездный) город Пенза находится всего в 22 верстах от границы с Саратовской губернией. Пензенский уезд — самый южный из всех десяти уездов Пензенской губернии. Все дороги, ведущие из Пензы в сторону Саратовской губернии — на восток ли, на юг — находятся в пределах Пензенского уезда; никакого другого уездного города там нет. Т. е.

города, который Гоголь так **определенно** описал (уездный город Пензенской губернии по дороге из Пензы в Саратов) не существует и существовать не может.

Художник, какое бы «символическое» произведение он не создал, имеет перед собой «модель» — он может изменить ее, согласно своей художественной фантазии, но основные черты и несомненно с кого то или с чего то списывает. С кого списывает Гоголь? Кто его герои? Какой они национальности? Его чиновники могут быть пришлым элементом, присланным для службы извне. Но кто является коренными жителями этого уездного города? Мы встречаем Февронью Петровну Пошлепкину, купчиху Пантелееву, Филиппа Антоновича Почечуева и др. — все это великорусские фамилии, типичные для города центральной России.

Но кто является окрестными помещиками? Судья говорит, что помещики **Чептович** и **Верховинский** затеяли тяжбу, и он гоняет зайцев на землях и того и другого. Эти фамилии — типично **польские**. Бобчинский и Добчинский, «городские помещики», вероятно, тоже поляки. Характерно, что в московском Малом Тетре фамилии эти произносились с ударением не на о, а на и: Бобчинский и Добчинский. Т. е. на польский лад, с ударением на предпоследнем слоге. Откуда же поляки в Пензенской губернии? Там много татар, но о поляках что то не слышно. Не напрашивается ли само собой предположение, что Гоголь **по существу** описал скорее всего свой украинский Миргород, уездный город Полтавской губернии, где уже во всяком случае поляков было больше, чем в Пензенской губернии. Да и в речи персонажей нет — нет да и мелькнет приглаголю Гоголю малороссийское слово: в первоначальном тексте заседатель назван не украински «подсудком»; в другом месте сказано уже прямо по польски: «не можно», вместо «челзя»? Образ Миргорода, такой родной и понятный, не мог не преследовать Гоголя, когда он создавал свою комедию. Замечательно, что в первоначальной редакции «Ревизора» Хлестаков говорит в одном месте, что едет в Екатеринославскую губернию! Свои географические сомнения Гоголь завершил тем, что поместил город в совершенно чужую ему и неизвестную Пензенскую губернию и, в конце концов, наделал ряд географических ошибок. Показательно, что в первоначальной редакции Бобчинский говорит о Хлестакове: «с какой стати сидеть ему здесь, когда дорога ему лежит **Бог знает куда**: в Саратовскую губернию! Из этого видно, что Гоголь имел в начале весьма слабое представление о местоположении и взаимоотношении Пензенской и Саратовской губерний. Какое же тут «Бог знает куда», когда Саратовская губерния вот тут сейчас, под боком. Во всяком случае это «Бог знает куда», Гоголь впоследствии благо разумно вычеркнул. Но он почему то перенес свой родной город в Пензенскую губернию, где он никогда и не бывал, и эта неувязка поневоле вызывает недоумение. А ведь Гоголь сам про себя сказал: «У меня только то и выходит хорошо, что взят мной из действительности, из данных мне известных. Воображение мое до сих пор не подарило меня ни одним замечательным характером».

В этом — беда многих великих писателей: работа над произведением необходима, спайка отдельных частей, созданных в разное время и в разном настроении, требуется по художественным соображениям, но это же приводит к неизбежным неувязкам.

Открытие этих «ошибок» возможно лишь тогда, когда данное произведение любишь, знаешь наизусть и часто повторяешь про себя. И, тем не менее, наши литературные ханжи приходят в ужас от подобного «кощунства».

Александр Биск